

Почему часы мосят в портфеле

По-разному считают возраст городов: когда с первого колышка, когда с первого дома, а чаще с Указа Президиума Верховного Совета. Но есть неофициальный счет — о нем написано в одной из книжек о поселке Талнах, расположенном невдалеке от Норильска. Поселок строился, в нем уже жили люди, и настало время родиться там первому коренному талнахцу. С Украины телеграммой вызвали бабушку. Она прилетела, пожалала плечами, подумала: «Да неужели на Полтавщине хуже?» Но сказала другое: «Что ж, строиться начинаемо?» Этот день — пусть даже в шутку — и считают днем рождения поселка Талнах.

Дом невозможен без стен, но и без традиций нет дома. Дом без традиций — просто гостиница, где сидят на чемоданах и забывают зубные щетки. Традиции нужны, и хранят их, как правило, пожилые люди, пенсионеры.

Норильск не гостиница. Норильск — дом. Дом для двухсот тысяч человек. Из них семь тысяч имеют право на пенсию по старости. Четыре тысячи норильских пенсионеров работают. О трех из них мой рассказ.

Г. АЛЕКСАНДРОВ,
артист

**Норильского
заполярного
театра драмы
им. Вл. Маяковского:**

**Там, где нужен,
там интересно
жить!**

— Плохо все-таки, когда главный режиссер некурящий, нигде пепельниц не ставят! — посетовал Георгий Иванович и отправился разыскивать пепельницу. Мы сидели в кабинете завлита, оказавшемся свободным, за стеной в театральном буфете (я так и не понял по глухим репликам) то ли репетировали «Протокол одного заседания», то ли проводили собрание. Георгий Иванович вернулся с пепельницей. Закурили.

— Вы, журналисты, любите спрашивать о заветной мечте. Есть у меня такая. Мечтаю, чтобы спрашивали перед нашим театром: «Нет ли лишнего билетика?» Спрашивали бы; пусть наш театр на окраине города, пусть мороз за сорок. В последних спектаклях я не занят, должен бы огорчаться, а я радуюсь. Очень интересные — «Темп-29», «Случай в метро», «Девятый праведник». Сами понимаете, в жизни любого театра прямой линии нет, есть подъемы, есть спады. Вот сейчас у нас подъем, по-моему, и очень крутой.

— О себе рассказывать трудно. Почти двадцать лет работал в театре Краснознаменного Балтийского флота. Война. Помню отлично, как шли из Таллина в Ленинград — сто пятьдесят вымпелов. Мы шли на ледоколе перед флагманом, перед «Кировым». Подорваться, сами понимаете, могли совершенно свободно. Но была в нас какая-то юношеская уверенность — нет, не можем, ничего не случится с нами, все будет в порядке. Вот и Всеволод Вишневский такой был — если уж поверит во что, то до конца. Помню, уже в Ленинграде зашел он к нам, артистам, на минутку, а просидел часа четыре. И ведь какой провидец был — в самом начале войны сказал, что мы полгода будем развиваться, а через полгода ударим. Ведь так оно и было.

Ну, в Ленинграде, в основном, по окопам ползали. Там и играли. Все время на передовой. Пожалуй, только фашистам спектакли не показывали. И что удивительно: было нас восемь человек и поставили мы «Свадебное путешествие» — комедию, водевиль почти что. И в сорок первом, в холод, под пулями, голодные, смотрели солдаты спектакль с удовольствием. Нужен смех, в любое время нужен.

Завонил телефон. Георгий Иванович снял трубку.

— Да, театр. Пасчет нашего университета театрального искусства? Да пока не берусь сказать — будет сегодня занятие или нет — сами видите. Мороз сорок семь да еще пурга — может, и отменят, позвоните попозже.

Сел к столу. Снова закурил.

— Да, Норильск... Я здесь с шестидесяти первого года, думаете из-за денег? В какой-то степени и так — мне не нужно здесь скакать с телестудии в театр, из театра — на радио, как бы пришлось это делать на «материнке». Здесь мне зарплата хватает. Так что если кружок поручат вести в школе — я это вполне могу делать бесплатно.

— Ясно. А вот к климату вы просто привыкли?

— Привык. Даже не берусь судить. Климат, по-моему, нормальный. Вон вы унты надели, а я в ботиночках — и хоть бы что.

И точно: Георгий Иванович был обут в легкие, я бы даже сказал, пинжонские ботиночки. Я развел руками, а он расхохотался.

— Да нет, вовсе я уж не такой морозоустойчивый. Просто живу в двух минутах ходьбы от театра. А за две

минуты и босиком можно добежать — все равно не успеешь замерзнуть. А если всерьез — думаю, что целебный климат в Норильске. У меня дочь в Москве, все писала и жаловалась, что внучка моя болеет, слабенькая больно. Не выдержал, дал телеграмму: ну-ка, привози ко мне! Не поверите, год здесь прожил, ни разу не чихнула. Обычно восторгаются: юг, Сочи! Да у нас зимой ребята в снегу валяются, как в Сочи в песке на пляже.

Кто-то заглянул в комнату, суетливо поздоровался и исчез, словно испарился.

— Вас, наверное, удивляет, что я совсем не говорю о своих актерских делах. Да ведь тут все просто: играл бы плохо — не держали бы. Думаете, мало желающих здесь работать? Каждый день по несколько писем приходит. Я уже говорил: главное, что тянет людей в Норильск — все-таки не деньги. Понимаете, есть какое-то норильское братство — так, что ли? Были мы на гастролях на Дальнем Востоке. Так, увидев наши афиши, люди, когда-то жившие в Норильске, специально приходили к нам, хотя были уж совсем не завзятыми театрами, только чтоб «поздоровкаться», как раньше говорили. Вот поэтому-то я здесь. Там, где ты нужен, там интересно жить.

И. ФАЙЗУЛЛИН,
врач

**плавательного
бассейна,
заслуженный
мастер спорта:**

**Как себя
чувствуешь,
товарищ?**

Это было удивительно, это было уму непостижимо: Файзуллин положил в больницу! И тем не менее это было так — что-то у Файзуллина с сердцем, снимают кардиограмму, делают уколы. В первый день и сам Исхандер Газизович немного растерялся: уж больно непривычная обстановка! Но уже назавтра, когда пришла из Москвы верстка его очередной книжки «Пловцы Заполярья», он обрел свою обычную форму: правил гранки, звонил по телефону, сердился. И снова, и снова перечитывал один абзац в книжке, за судьбу которого, честно говоря, опасался: а вдруг вычеркнут, уж больно категорично! А в книжке написано вот что: «Таким образом, в нашем благоустроенном заполярном городе, при нашем достаточно высоком социальном — экономическом уровне жизни создаются условия, которые могут быть успешно противопоставлены неблагоприятному климату Крайнего Севера, для воспитания здорового, физического крепкого молодого поколения».

— Получается, что такой адский холод, ветер двадцать метров в секунду, ночь на несколько месяцев в году — нормально?

— Нормально! — считает Файзуллин, который стал директором норильского бассейна, когда бассейн еще не был достроен. Удивительный он человек. Его биография — вереница сенсаций. Ну разве не удивительно разговаривать с человеком, о котором «Вечерняя Москва» в 1936 году статью начинала так: «В Москве получены подробности совершенного т. Файзуллиным 31 августа проплыва на 50 километров на Каспийском море...»

Как только закончилась война, майор Файзуллин в Будапеште, где стояла его часть, подал начальству рапорт с просьбой разрешить ему в честь Победы проплыть по Дунаю на сто километров. Разрешили — Файзуллин проплыл. И был принят потом К. Е. Ворошиловым. Награда была сказочная — командировка в Москву, где жила семья.

— Ну, а как вы попали в Норильск, Исхандер Газизович?

— Очень просто. Пригласили меня сюда в 1959 году директором бассейна, я ведь два вуза окончил — медицинский и физкультурный. Приехал и понял, что здесь смогу поработать в таком масштабе, в каком никогда бы не удалось поработать в другом месте. Вот из этого бассейна, куда привозят из детских садов, из школ ребят (автобус со специальной надписью «Дельфин» — утепленный), пошли мастера спорта, команды водного поло. Но суть даже не в этом. Я уверен, что занятия плаванием в Заполярье нужны не для рекордов, они — источник здоровья. Есть такой взгляд на нас — тренеров и врачей бассейна: вы, мол, только людей купаете, что с вас толку? Ерунда, мы не только людей купаем, мы даем стране трудовые ресурсы, это наш вклад в пятилетку. Вот цифры: мы проводили анкетирование среди занимающихся в бассейне: у 76 процентов устойчивая работоспособность. Не так уж мало, а?

Исхандер Газизович одет несколько необычно для больного: тренировочные брюки, спортивные туфли. У него очень лукавые глаза и седой вихор. Разговариваешь с ним, сидящим в позе буддийского божка (ладони сцеплены над животом), и так и ждешь какого-нибудь розыгрыша.

— Ну, а как же без этого — скучно! Как-то домой иду с портфелем, слышу: тикает. И портфель уж больно тяжелый. Но разобрался, когда уже домой пришел: шахматные часы мои коллеги в портфель засунули, чертил Молодцы, я бы не додумался. Кстати, у вас реакция нормальная?

— Да вроде бы. Никто из вас, врачей, не пугал по крайней мере.

— Тогда давайте сыграем в детскую игру. Вы кладете руки мне на ладони и руки убираете, когда я только собираюсь вас хлопнуть. Ну?

Я не успел убрать руки ни разу. И они покраснели — ладони у Файзуллина тяжелые.

— Вот так, а еще в столице живете! Так нельзя: курите, по ночам книжки читаете. А дети? Да вы просто издеваетесь над ними. Вот хотите, из книжки все рекомендации родителям выдеру и вам отдам? А ребенка — в бассейн, обязательно. Иначе искривление позвоночника я вам гарантирую. В бассейн его, только в бассейн. Я же врач, знаю.

Я попросился к Файзуллину, оставил свой московский телефон: когда приедете, встретимся обязательно.

Остановил он меня у самого выхода.

— Так ведь я забыл, вы из «Советской культуры»? Все, что я рассказывал, вам неинтересно. Вам о кино и театре надо! И в кино я тоже работал. Когда Эйзенштейн «Александра Невского» снимал, битву на Чудском озере, я там главным спасателем был, чтобы артисты не утонули. И никто не утонул. У меня вырезки есть из газет, может, надо вам?

М. ЗАЛЕССКАЯ,
**директор
магазина «Сияние»:**

**Человек
должен
стремиться
быть первым**

Бывал я в разных кабинетах. И в кабинетах министров тоже. Столы огромные. Но в общем-то скромно: вешалка, сейф. Кабинет Марии Григорьевны невелик, но уж отделка — головой закачаешь. Дубовые панели, поверху чеканка. Цветок в громадной кадке, и на ней тоже чеканка.

Вот такие они, норильские пенсионеры. Привычная ассоциация — раз пенсионер, значит, сидит на скамейке в сквере, любитесь природой. Заполярье сломало эту традицию. Труд пенсионера там нужен и очень важен. Пожилые люди придают всему основательность, надежность, степеньность. Если они что-то делают, делают всерьез. Пенсионная книжка не удостоверение о старости, она удостоверение мудрости. И в том, что каждую первую сессию Верховного Совета СССР нового созыва в каждой палате открывает один из старейших по возрасту депутатов, есть большой смысл. Самые важные государственные дела решают самые мудрые: это жизненная необходимость.

В армии солдат второго года службы называют «стариками». «Старикам» по девятнадцати-двадцати лет, но право же, такое прозвище они заслужили. Раз «старик» — значит, всегда поможет, подскажет, посоветует. Раз «старик» — значит, умеет многое, почти все. Раз «старик» — на него во всем можно положиться.

О людях, с которыми вы познакомились сейчас, никак не скажешь: старики. Даже по внешнему виду они не подходят под это определение. А вот стариками в кавычках их назвать даже приятно. Потому что в этом слове и уважение, и любовь, и уверенность в их силах и возможностях. Да здравствуют «старика»!

В. ПЕРФИЛЬЕВ,
наш спец. корр.

НОРИЛЬСК.